

К строфе XXXVI главы третьей – строфе XXXI главы четвертой

Сюньитиро Акикуса

Среди многочисленных комментариев, самый странный комментарий к строфе XIX главы четвертой. В нем Набоков строит гипотезу о том, что непосредственно перед изгнанием Пушкин дрался на дуэли с Кондратием Рылеевым между 6 и 9 мая 1820 года в окрестностях Петербурга, в имении матери Рылеева Батове. При этом Набоков сообщает, что его предок приобрел Батово и Рождествено, и в окруженном красивой природой Батове Набоков играл в потешные дуэли с кузенком. Вместе с тем, Набоков знакомит читателей с «туманным семейным преданием», что Пушкин дрался на дуэли с Рылеевым на главной аллее Батова – «Chemin du Pendu» (тропинка повешенного).

Набоков потратил девять страниц для доказательства дуэли, но он не представил убедительного обоснования своей гипотезы. Тем не менее, мы можем рассматривать содержание комментария не как исторический факт, а как лирическое отступление. В общем, «Евгений Онегин» включает в себя много лирических отступлений, в которых повествователь Пушкин высказывает свое мнение и делится воспоминаниями. Таким же образом, Набоков часто отступает от роли беспристрастного комментатора и говорит о себе. Из этого следует, что героем комментариев является Набоков, так же, как героем «Евгения Онегина» является Пушкин.

В двух автобиографиях (*Conclusive Evidence: A Memoir* /«Убедительное доказательство», 1951/ и «Другие берега», 1954), которые Набоков написал до создания комментариев, Набоков вспоминал, что его дядя Василий Рукавишников оставлял ему в наследство Рождествено, и мальчик Набоков играл на главной аллее Батова с кузенком Юрием Раушем фон Траубенбургом, который погиб в борьбе с Красной армией. В комментариях Набоков вносит свои воспоминания в великую русскую литературу, чтобы навсегда запечатлеть свои воспоминания и название своей земли в классике.

В комментариях Набоков обращает внимание на трехдневную разницу между днем, когда Пушкин в действительности отправился из Петербурга, и днем, который Пушкин указал в дневнике спустя год. Набоков дает истолкование этой временной разницы. С

другой стороны, Набоков пользовался такой же разницей времени в своем самом известном произведении – *Lolita* (1955). В этом романе подобно тому, как Онегин убил поэта Ленского, Гумберт Гумберт убил драматурга Клэра Куильти. Однако в своей статье один из самых известных исследователей Набокова Александр Долинин пишет, что Набоков управляет временем, и выражает сомнение относительно дуэли между Гумбертом и Куильти. В комментариях, по нашему мнению, Набоков, как писатель, управляет временем и заставляет Пушкина и Рылеева стреляться. Не даром в одном интервью Набоков сказал, что он не верит во время. В развязке романа *Lolita* Гумберт говорит, что его исповедь – «спасение в искусстве». Таким образом, для Набокова эти комментарии – «спасение в искусстве» вне времени.

В 1966 году Набоков сам перевел «Другие берега» на английский язык. В автобиографии *Speak, Memory: An Autobiography Revisited* (*Память, говори*, 1966) он начертил карту своего поместья и поместил там указатель. На карте, сделанной от руки, изображена извилистая тропинка – «Chemin du Pendu». При этом Набоков упомянул «Chemin du Pendu» в указателе. Еще более интересный факт обнаруживает сравнение между старым и новым изданиями автобиографии. Набоков переменял детали в указателе, чтобы осуществить «туманное семейное предание»: в старом издании не было никаких описаний ни Рылеева, ни предания, ни «Chemin du Pendu». На основе этого мы убеждаемся в том, что Набоков создавал не только литературную историю, но и свои воспоминания, чтобы вернуть утраченную землю.